

гается сомнению. Современная акцентология уже не принимает и чрезмерной усложненности фонетической транскрипции, свойственной старой акцентологии. Тем не менее издатели с чрезвычайной тщательностью и точностью передали в пятитомнике все тонкости акцентологической транскрипции, использованной Булаховским (иногда, от работы к работе, она менялась, что также учтено при переиздании). Набор этих томов исключительно сложен по типографским знакам, но все же эти знаки, как и следует академическому изданию, налицо; это повышает уровень издания, делая его непревзойденным (в прежних публикациях были опечатки, которые нуждались в корректурных исправлениях). Публикация всех трудов Л. А. Булаховского по акцентологии важна тем, что подводит итог предшествующих исследований по славянской акцентологии и делает зримым тот качественный рынок современной акцентологии, который подобными трудами и был подготовлен. Вместе с тем в исследованиях Булаховского сохраняется множество идей, еще не разработанных

современной наукой; они — по-прежнему программа для ученых (прежде всего это касается проблемы количественных различий и оппозиций в славянских языках).

Говоря об издании, невозможно обойти вниманием самоотверженной работы издателей, готовивших тексты и следивших за их подготовкой к печати. Особенно большой вклад в эту работу внесли сотрудники Института языковедения АН УССР Т. Б. Лукинова и (для акцентологических томов) В. Г. Складченко. Издания представляют современный уровень исполнения мемориальных изданий: кроме археографических и кодикологических комментариев, мы найдем здесь и вводные статьи, и библиографию, и (чрезвычайно важно!) словоуказатели к акцентологическим томам, что делает это издание настоящей энциклопедией научных трудов Л. А. Булаховского. Книга снабжена иллюстрациями, прекрасно издана и сразу же оказалась в центре современных лингвистических проблем и забот.

Колесов В. В.

Schanidze A. Altgeorgisches Elementarbuch. I Tl. Grammatik der altgeorgischen Sprache. — Tbilissf: Universitätsverlag, 1982. 197 S.

На фоне заметно выросшего за последние два десятилетия интереса зарубежного языкознания к проблемам картвелистики со всей определенностью заявляло о себе отсутствие широко доступного руководства по древнегрузинскому языку. Крайне немногочисленные публиковавшиеся за рубежом работы этого плана либо уже давно устарели [1, 2], либо очень схематичны [3]. Поэтому должно быть очевидным, что с выходом в свет немецкой версии известной монографии А. Г. Шанидзе, посвященной древнегрузинскому языку [4], удовлетворяется уже длительное время ощущавшаяся в среде негрузинского, в том числе и отечественного, читателя потребность в подобного рода издании.

В целом рецензируемый немецкий перевод книги, выполненный Г. Фебрихом, очень близок к тексту его грузинского оригинала и полностью повторяет его структуру — помимо вступительных параграфов, в которых, в частности, рассмотрены письмо и фонетика древнегрузинского языка, здесь имеются занимающий основной объем работы раздел морфологии и словообразования, а также раздел синтаксиса. Основные его отличия от грузинского издания заключаются в предпосланном к немецкому переводу предисловии автора, в отсутствии краткого древнегрузинского словаря, заключавшего грузинскую публикацию (все языковые иллюстрации переводятся здесь непосредственно в тексте), в довольно незначительном сокращении числа однотипных примеров, а также в отдельных примечаниях, адресованных читателю, не знакомому с картвельстикой.

Обращаясь к содержанию монографии, необходимо отметить по крайней мере два следующих, бросающихся в глаза

картвелиста обстоятельства. Во-первых, изложение древнегрузинского материала построено автором в терминах метаязыка описания номинативной системы. Во-вторых, интерпретация фактов отчетливо отражает основные черты грамматической концепции А. Г. Шанидзе, развиваемой им уже в течение длительного времени.

Рецензенту уже приходилось подчеркивать высокую степень адекватности разработанной автором модели описания для дескриптивного анализа не только современного грузинского языка, как она представлена, например, в его фундаментальной публикации 1973 г. [5], но и древнегрузинского. Действительно, совокупность понятий переходного и непереходного глагола, прямого и косвенного дополнения, залога (строящегося прежде всего на базе оппозиции актива и пассива), версии (субъектной, объектной и нейтральной), субъектной и объектной серий личных показателей глагола, именительного падежа составляет, как известно, характерный инструментарий описания языков, являющихся в своей основе представителями номинативного строя. Вместе с тем, вполне естественно, что ввиду типологической неоднородности картвельских языков автор прибегает в нескольких случаях и к понятийному аппарату, используемому в компаративистике по отношению к тем фрагментам структуры индоевропейских языков, которые не укладываются, строго говоря, в рамки номинативной системы. Ср., в частности, используемое здесь понятие депонентных глагольных словоформ, которые, принадлежа формально пассивному залогу, имеют семантику активного (ср. депонентные формы латинского глагола), а также понятие медиума, выделяемого наряду с активом и пассивом. Нетрудно увидеть, сколь ценны

подобные характеристики для решения проблемы соотношения номинативного и доминативного типологических компонентов в структуре картвельских языков.

С другой стороны, рецензируемый труд интересен как образец лингвистического описания, в котором находят свою конкретную реализацию общеграмматические идеи А. Г. Шанидзе. Как и в предшествующих работах автора по современному грузинскому языку, в книге показано, что и в древнегрузинском имеются основания говорить о вокативе как о полноправной единице падежной парадигмы (с. 35 и сл.). Это становится очевидным, поскольку его показатель не только формально включается в парадигматику, но и способен передавать синтаксические отношения между именными членами предложения. Ср. падежное согласование в составе атрибутивного комплекса типа *mta-o mayal-o* «о гора высокая!» или *saxl-n-o zma-ta cem-ta-n-o* «о дома братьев моих!». В монографии систематически используется выдвинутое автором еще в 1941 г. понятие морфологической субкатегории ряда, или скривы [см. 6 и 7], как органического формального единства выражения категорий времени и наклонения в морфологической структуре грузинских глагольных словоформ (ср. с. 78 и сл.). Разработанное им же понятие глагольной морфологической категории контакта, основывающееся на противопоставлении форм непосредственного и опосредствованного контакта с объектом (с. 96—97), должно быть, вероятно, учтено теми лингвистами, которые придерживаются трактовки каузатива в качестве словоизменительной категории. Наконец, в работе в особый разряд выделена совокупность неизменяемых слов, т. е. не имен и не глаголов, квалифицируемых А. Г. Шанидзе как удетеры (от греч. *οὐδέτερος* «ни один из двух»). Как уже отмечалось в специальной литературе, за всеми перечисленными деталями описания стоит отчетливое стремление автора к последовательной реализации системного подхода к структуре языка, обладающего чрезвычайно сложным морфолого-синтаксическим механизмом [ср. 8, с. 58—62].

Нельзя не отметить высокий профессиональный уровень перевода книги, выполненного известным картвелистом проф. Г. Фенрихом (ГДР), автором ряда интересных работ и неизменным пропагандистом достижений советского кавказоведения за рубежом (являющимся, в частности, инициатором совместного периодического издания Тбилисского и Йенского университетов «Georgica»). Переводчику удалось достичь большой степени адекватности немецкого текста грузинскому. Можно обычно оправдать переводчика и в тех специально оговоренных случаях, когда ему не удалось подыскать скольнибудь удовлетворительных эквивалентов для передачи семантики древнегрузинских форм.

В целом рецензируемая монография представляет собой компактное изложение совокупности знаний современной на-

уки о древнегрузинском языке. Приводимый в ней материал отчетливо свидетельствует о существовании довольно жесткой его литературной нормы. Некоторая вариативность или неодинаковая частотность употребления ряда однородных форм справедливо понимаются в качестве синхронных манифестаций изменений, непрерывно происходящих в языке. Хотя изложение и имеет строго синхронную ориентацию, в некоторых случаях оно снабжено краткими диахроническими экскурсами (ср., например, с. 16, 33, 35, 63, 70, 74 и др.). Необходимость последних нетрудно понять, если принять во внимание огромные хронологические рамки существования древнегрузинского языка, памятники которого относятся к эпохе V—XI вв. Фразовые примеры, как правило, документированы. Простота изложения материала, сохраненная в немецком тексте, с большим числом полных словоизменительных парадигм сообщают работе качества не только ценного исследования, но и руководства, доступного для широкого контингента негрузинского читателя (курсы древнегрузинского языка читаются в настоящее время не только в СССР, но и ряде стран Западной Европы). Нельзя не заметить, наконец, что книга тщательно выверена, свидетельством чего является минимальное число опечаток.

Касаясь недостатков издания, следует отметить, что они носят, на наш взгляд, всецело технический характер. Можно, в частности, указать на несколько случаев неудачного перевода терминов. Так, например, падеж субъекта переходного и так называемого полупереходного глагола, постоянно квалифицируемый в концепции А. Г. Шанидзе в качестве повествовательного (груз. *motxrobiti brunva*), по непонятной причине переведен как *Ergativ*, а не *Narrativ*, как этого следовало бы ожидать в соответствии с существующей традицией (ср. с. 36 и сл.). Диссонансом на фоне обычного для лингвистической литературы словоупотребления в виде *Transitivität* звучит повторяющийся на с. 66 и 171 термин *Transität*. Встречаются в тексте и отдельные неточные переводы древнегрузинских словоформ. Например, *kvelis sakmej* скорее должно быть *Wohllat*, а не *Almosen* (с. 26), *šurduli* — *Steinschleuder*, а не *Schleuderstein* (с. 31; ср. верную передачу на с. 39), *švenis* — *es ziemt sich*, а не *es sieht gut aus* (с. 58), *sevcirav* — (*ich*) *opfere, spende*, а не (*ich*) *gebe* (с. 61).

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что немецкое издание книги А. Г. Шанидзе — очень полезная и своевременная публикация, которая будет способствовать пропаганде картвелистики за рубежом. Как указывается в предисловии автора, «Грамматика древнегрузинского языка» составляет только первую часть издания, за которой вскоре должна последовать вторая, содержащая хрестоматию древнегрузинского языка и соответствующий словарь.

Климов Г. А.

1. Zorell F. Grammatik zur altgeorgischen Bibelübersetzung mit Textproben und Wörterverzeichnis. Roma, 1930.
2. Marr N., Brière M. La langue géorgienne. Paris, 1931.
3. Zwolaneck R., Assfalg J. Altgeorgische Kurzgrammatik. Gottingen, 1976.
4. Шанидзе А. Г. Грамматика древнегрузинского языка. Тбилиси, 1976 (на груз. яз.).
5. Шанидзе А. Г. Основы грамматики грузинского языка. I. Морфология. Тбилиси, 1973 (на груз. яз.).

М. М. Гухман. Историческая типология и проблема диахронических констант. — М.: Наука, 1981. 249 с.

Рецензируемая книга М. М. Гухман является обобщением многолетних исследований, наблюдений и теоретических выводов автора. Располагая обширным материалом по истории германских языков (и шире — индоевропейских, поскольку в книге привлекаются данные индоиранских языков, а также греческого и хеттского), М. М. Гухман сопоставляет их с тюркскими и финно-угорскими фактами. Широкому языковому фонду соответствует и объем привлекаемых языковедческих штудий: автор охватывает множество работ, относящихся к теме исследования, делая это с большой тщательностью и непредвзятостью. Все это должно способствовать тому, чтобы рецензируемая книга послужила стимулом для широкого обсуждения механизма структурной эволюции языков и статуса лингвистической дисциплины, его изучающей. Эта дисциплина, учитывая данные типологии синхронного описания языков (методы определения сходства языковых структур и теория универсалий, с одной стороны, и развитие сравнительно-исторического языкознания, — с другой), стремится ответить на вопросы о причинах языковой эволюции. Историческая типология явится как бы мостом между данными синхронной типологии и сравнительно-исторического языкознания.

В своей работе М. М. Гухман обсуждает как проблематику формальной, так и контентивной типологии языков; каждой из них посвящается отдельная глава книги.

Суть исторической типологии и круг ее интересов рассматриваются во Введении и первой главе. Двумя полюсами, от которых автор отталкивается, являются, во-первых, диахронические универсалии, т. е. общезыковые изменения, во-вторых, частноязыковые процессы, не имеющие общесистемного характера и активные лишь в период замкнутого хронологически отрезка. М. М. Гухман предлагает к обсуждению такое понимание исторической типологии, согласно которому существенны эволюционные процессы, охватывающие «сучок взаимосвязанных координат» (с. 16). Процессы эти однонаправленны и узуальны. Естественно, что изучение их должно проводиться в тер-

6. Шанидзе А. Г. Категория ряда в глаголе. Общие вопросы формообразования глаголов на примерах грузинского языка (предварительное сообщение). — Известия Ин-та языка, истории и мат. культуры АН Груз ССР. Т. X. Тбилиси, 1941.
7. Шанидзе А. Г. Грамматические заметки. — ВЯ, 1984, № 2.
8. Мачавариани Г. И. Некоторые вопросы грамматической концепции А. Шанидзе с точки зрения структурной лингвистики. — В кн.: «Орион. Акакию Шанидзе». Тбилиси, 1967 (на груз. яз.).

минах соответствующих единиц, которые и являются предметом исторической типологии как самостоятельной дисциплины. Подобными единицами, в концепции М. М. Гухман, оказываются диахронические константы. Это понятие проходит через всю книгу, однако цель автора — не перечислить константы развития, например, для германских языков, но представить на обсуждение читателя теорию диахронических констант.

Понятие диахронической константы является далеко не простым, и автор приводит к нему читателя и теоретически, и иллюстративно. Не повторяя формулировок М. М. Гухман (с. 34 и сл.), можно сказать, что диахронические константы — это процессы, типичные для ряда языков (родственных и неродственных), однонаправленные, постепенно развертывающиеся, содержательно интерпретируемые, но — самое главное — допускающие варианты и модификации по языкам: как конкретно-количественные, т. е. определяющие идиозыковую систему, так и количественно-темповые, т. е. реализуемые с разной скоростью. Таким образом, «в отличие от диахронических универсалий диахронические константы моделируют не только инвариантное общее содержание однонаправленных процессов, но и реальные модификации их осуществления в конкретных языках, раскрывая сложное соотношение общего и индивидуального в развитии языков мира» (с. 56).

Будучи по своей сути теоретической, монография М. М. Гухман отличается очень большой сдержанностью в отношении к интерпретации процессов, выходящих за рамки обсуждаемой концепции. Но это не означает ухода от сложнейших проблем еще не сложившейся дисциплины, проблем как языковых, так и лингвистических. Например, какова роль внешнего фактора при реализации диахронической константы и насколько его следует принимать во внимание? Где можно провести границу реализации диахронической константы внутри вертикального среза языковой системы? В решении первого из этих вопросов, как представляется, можно различать три аспекта. 1) Внешним фактором можно